

# АПОКРИФ ТЕНЕЙ

КНИГА 1

## ГРЯЗЬ И ТЕНИ СВЕТОЗЕМЬЯ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Апокриф Теней.

Вячеслав Мазур

**Апокриф теней. Грязь  
и тени Светлоземья**

«Автор»

2026

**Мазур В.**

Апокриф теней. Грязь и тени Светлоземья / В. Мазур — «Автор»,  
2026 — (Апокриф Теней.)

Тюрьма не всегда похожа на тюрьму. Иногда она похожа на свободу. Иногда — на игру. Иногда — на шанс начать всё заново. Это книга о клетке, которую мы строим сами. О страхе, который мы называем осторожностью. О том, как мы учимся не дышать, чтобы нас не услышали. И как мы перестаём дышать совсем. Макс не был героем. Он был жертвой, которая учится быть хищником. Он не ищет справедливости — он ищет способ выжить. И в мире, где боль настоящая, а смерть — не просто перезагрузка, он нашёл свой путь. Но этот путь привёл его не к свободе. Он привёл его к себе. К тому, кого он прятал все эти годы. Это не история о победе. Это история о том, как человек перестаёт быть человеком, чтобы стать тенью. И о том, что тени тоже умеют бояться. А иногда — даже плакать. Добро пожаловать в «Эфир».

© Мазур В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                          |    |
|------------------------------------------|----|
| Глава 1. Знакомство.                     | 5  |
| Глава 2. Не все сделки удачны.           | 7  |
| Глава 3. Не из всех ситуаций есть выход. | 10 |
| Глава 4. У теней есть имена.             | 13 |
| Глава 5. Новый дом «Светлоземье».        | 15 |
| Глава 6. Веселый Край.                   | 19 |
| Глава 7. Эксперимент. Начало.            | 22 |
| Конец ознакомительного фрагмента.        | 25 |

# Апокриф теней. Грязь и тени Светлоземья

## Глава 1. Знакомство.

Салон нового «Мерседеса» W223 пах дорогой кожей и амбициями. Машина за цену квартиры, и каждый сантиметр внутри напоминал об этом. Я едва касался руля, будто гладил удовлетворенную самку и чувствовал, как она режет дорожный поток послушно отвечая на каждое движение пальцев. В голове крутилась старая схема «Свою — через пару страховых, и на рынок. А себе взять такую же красотку.»

Трель «рабочего» мобильного вырвала меня из этих мыслей.

— Входящий звонок с торговой площадки «Авито», дождитесь начала разговора.

Мой голос мгновенно стал мягким. Лёгкая хрипотца, доверительная интонация. Порядочный парень, немного уставший после работы.

— Да, Алексей, добрый день. Ноутбук в идеале, всё верно. Нет, не срочная продажа, но и тянуть не хочу: сегодня узнал о переводе... в филиал Северной столицы. Там не до игр будет, сами понимаете.

Я выдержал паузу. Дал ему услышать в моём голосе усталость, которую я только что изобразил.

— Нет, Алексей, давайте без обид. Я объявление выложил сорок минут назад, вы уже третий. Кто первый оплатит — тот и заберёт. За порядочность не переживайте, я вам в комплект ещё игровые наушники отдам. Всё равно не нужны.

Снова пауза. Я слышал его дыхание в трубке. Он считал варианты. Я молчал и не мешал ему самому решить, что ждать больше нельзя.

— Да, Мякинино, через два часа буду там. Сейчас скину номер карты СМС-кой. Как оплатите — напишите, я сразу сниму с публикации.

Закончив разговор, я бросил трубку на соседнее сиденье и открыл приложение криптобиржи на основном смартфоне — на том, что лежал в подстаканнике. Кожанный чехол отдавал теплом и комфортом. Подходящий ордер на покупку USDT нашелся почти сразу: жирный лот с выгодным курсом. Открыл сделку и скопировал номер карты «Маранта». Честный меняла. Понятия не имеет, чей мусор сейчас окажется у него на карте. Его кошелек станет действительно «горячим», если дойдет дело до ментов.

Отправил номер «мамонту». Теперь оставалось ждать.

Я не смотрел на дорогу. Машина сама держала полосу. Мой взгляд был прикован к застывшему чату сделки на экране. Кончики пальцев начало покалывать. Знакомое, гадкое жжение — как будто по нервам пропускают слабый ток. Адреналин. Старая, ввевшаяся дрянь. Я уже не боролся с ним — я просто использовал его, переводя в своих мыслях, в чувство собственного превосходства, потому что сейчас неизвестный мне человек делает ровно то, что мне нужно. И даже читает, что сам принял это решение.

Но под слоем этой липкой гордыни ворочалось нечто темное. Каждый «тик» секундной стрелки на приборной панели отдавался в висках глухой, давящей пульсацией.

А вдруг «мамонт» передумал? Вдруг мерч — не честный меняла, а «покупатель» из такого же треугольника? В эти секунды неопределенности я снова становился тем восьмилетним мальчиком, который замер за дверью, слушая тяжелые шаги отца в коридоре. Ожидание «клика» на экране было до боли похоже на ожидание скрипа открываемой двери в мою комнату. Воспоминание пришло не картинкой — чувством. Тяжёлые шаги в коридоре. Секунда. Две. Я знаю, что дверь сейчас откроется. Знаю, когда именно скрипнет — на выдохе. Всегда на выдохе. Я не могу это остановить. Только замереть. Не дышать. Ждать.

Рука сама скользнула в карман. Пальцы нащупали монету — старую, медную, с рваным краем, который я выучил на ощупь ещё мальчишкой. Тяжёлый холодный металл. Пatina шершавая, стёртая — я провёл по ней большим пальцем, чувствуя, как она набирает тепло от моей кожи. Одна монета была твёрже любых цифр на экране. Твёрже любого обещания. Писк «рабочего» телефона радостно разорвал тишину салона. Одно короткое, верещащее уведомление. «Мамонт» прислал чек.

«Оплатил, проверяйте поступление».

Чат биржи вспыхнул зеленым, как трава на газоне.

«Продавец подтвердил получение оплаты. 1400 USDT зачислены на ваш баланс».

— Есть! Сегодня два из трех в профит.

«Рабочий» телефон ушёл в окно. В боковое зеркало я видел, как он шлёпнулся о зернистый асфальт, как пластик хрустнул под колесом грузовика, разлетаясь на куски. Никаких следов. Никаких номеров. Чисто.

Не давая дофамину отпустить, я коснулся кнопки на руле, набирая контакт с основного телефона через аудиосистему машины. Голос сменился на более уверенный баритон. Никакой мягкости, никакой усталости.

— Артур, привет, не мог говорить. Да, я как раз крайнюю машину клиенту гоню. Еще пять готов взять в этом же сегменте. Что по срокам?

Пауза. Он что-то мямлил про таможенную. Я перебил:

— Артур быстрее нужно. Пока Бишкек работает, надо брать.

— Что по ГТД? Отлично. СБКТС на руках?

— Добро, сбрось описание, я посмотрю. Если что, завтра загоню монетки.

Артур подтвердил, но голос у него был неуверенный. Я надавил:

— Смотри, я из этой схемы деньги не вывожу пока, так что каждый заказ будет больше, потянешь? Битые не предлагай, долго возиться, мне нужен быстрый оборот. Пробег не важен, всё равно скручиваю.

Я слышал, как он замялся. Секунда тишины. Потом снова деловой тон. Деньги хорошо лечат совесть.

— Добро, жду подборку. Обнял.

Отключив связь, я на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь моментом тишины и полного контроля. В салоне, кроме шума мотора, было тихо.

— Ну что, Макс, ты сегодня молодец, — обратился я сам к себе, голосом сухим, без иронии. Просто констатация факта.

Я прибавил звук, впуская в салон ритмичный техно – бит, и в очередной раз взглянул в зеркало заднего вида. Напрягавший меня черный джип, мелькавший сзади последние несколько минут, исчез. Я облегченно выдохнул, не заметив, как тот же массивный силуэт плавно перестроился двумя рядами правее, уходя в слепую зону за фурой.

## Глава 2. Не все сделки удачны.

Сделка проходила в крупном автосервисе на окраине. Одно из тех мест, которые воняют всегда одинаково — смесь машинного масла, грязи и пота. Я заглушил мотор. Почти сразу вокруг загремели инструменты, кто-то заорал из бокса, обычный рабочий шум. Под ногами хрустела маслянистая грязь, въевшаяся в бетонные плиты за десятилетия работы. Покупатель оказался пухлым мужиком лет сорока. От него пахло дешёвым парфюмом и въевшимся в одежду табаком. Он даже не стал загонять машину на подъемник. Работник сервиса ткнул дешёвым сканером в разъём OBD, пробежался по VIN-номеру в телефоне — стандартная проверка для тех, кто не хочет вникать. Я не переживал. Этот сканер видел ровно столько, сколько ему позволяли. При подписании договора, руки покупателя вспотели на столько, что на бумаге остались его отпечатки. Толстые пачки пятидесятирублевых, перетянутые банковскими упаковками, одна за другой полетели в мою сумку. Хороший, чистый плюс. День удался.

Теперь я сидел на заднем сиденье такси. Старая «Шкода» пахла дешёвым ароматизатором — приторная химия, которая безуспешно пыталась изобразить «новую машину». От этого запаха начинала болеть голова. Я чувствовал, как он оседает на коже, на одежде. Контраст с W223 был как пощёчина. Жирная, липкая пощёчина. Но правила есть правила: никогда не свети основной транспорт на сделках. И никогда не заказывай такси до подъезда.

— Шеф, тормози здесь, у супермаркета, — бросил я, когда до дома оставалось ещё два квартала.

Водитель глянул на меня в зеркало заднего вида. Хмыкнул. Он привык к пассажирам, которые не говорят, куда точно им нужно. Я увидел красные прожилки в глазах и тёмные круги под ними. Он ничего не спросил. Просто прижался к бордюру и остановился. Бросив ему пару купюр, я выскользнул наружу. Город окатил меня запахом мокрого асфальта, перемешанного с жаром перегретых моторов. Пройтись пешком в конце дня — это мой ритуал.

Звонок над дверью брякнул знакомо — пискляво, с металлическим призвуком, который я слышал уже сотню раз. Я даже знал, где именно болтается этот колокольчик и почему он всегда звенит чуть дольше, чем нужно. Потому что считал. Всё считал.

Магазин был обычным. Сетевой, с яркими стойками у входа, с акциями на вторую упаковку, с ровными рядами тележек, которые кто-то не поленился поставить идеально прямо. Пахло свежей выпечкой из пекарни в конце зала и чистящим средством для полов — тем самым, с запахом лимона. Здесь всегда было чисто, светло и предсказуемо. Именно поэтому я и ходил сюда.

За кассой стояла та же женщина, что и всегда. Средних лет, с короткой стрижкой и очками в тонкой металлической оправе. Она никогда не улыбалась мне, но и не смотрела с подозрением. Просто кивала, когда я проходил мимо, как своему. Местному. Постоянному. Мы не знали имён друг друга, но знали привычки.

Прошёл вдоль стеллажей, машинально отмечая, что на полке с чипсами снова бардак — кто-то переложил пачки, нарушил порядок. Я едва заметно поморщился. Рука сама потянулась поправить пачку, но я остановил себя. Взял корзину у входа, хотя знал, что куплю всего две вещи. Так надо.

В отделе с напитками, остановился у холодильника. Открытая витрина гудела ровно, выдувая холодный воздух, и я чувствовал, как он касается лица, рук, шеи. Взял бутылку. Тёмно-зелёное стекло, белая этикетка, синий шрифт. Я даже не смотрел на остальные. Просто протянул руку к нужной полке, привычно, как делал это всегда. Без газа. В стекле.

Пока стоял у витрины, успел проверить отражение в задней стенке холодильника, скосил глаза на стекло входной двери, проследить за силуэтами за спиной. Это было как дыхание —

одновременно с тем, как выбирал воду, я сканировал пространство. Никого. Двое студентов у кассы, женщина с ребёнком у овощного отдела. Свои. Подошёл к стойке с шоколадом.

Она стояла на втором ряду, третья слева — молочная, с лесным орехом, в тёмно-синей обёртке. Не самая дорогая, не самая популярная. Та, которую я брал всегда. Я не раз пробовал другие, но возвращался к этой, потому что знал её текстуру на зуб, знал, что она не тает слишком быстро, знал, что после неё не остаётся приторного послевкусия. Это было не про вкус. Это было про предсказуемость.

Я положил шоколадку в корзину, поверх воды.

На кассе женщина привычно пробила товары, даже не глядя на экран. Взяла шоколадку, и её пальцы на секунду задержались на обёртке.

— Опять эту берёте? — спросила она, поднимая на меня взгляд поверх очков. В голосе не было вопроса — скорее утверждение, констатация того, что она помнит. Она помнила.

— Да, — ответил я. — Привык. Усмехнулся, коротко, без тепла. Она не обиделась. Просто пробила сумму, и я отсчитал деньги ровно, без сдачи.

— Хорошего вечера.

— И вам.

Я вышел из магазина. Через пару шагов, остановился, сделал вид, что поправляю шнуровку на обуви — и заодно проверил, не вышли ли за мной лишние люди. Нет. Всё чисто. Я снова пошёл вперёд, и в руке у меня была знакомая тяжёлая бутылка. Я открутил крышку, сделал глоток, затем, разорвал зубами угол обёртки шоколадки и отломил кусочек. Он был именно такой, как я помнил.

Это были мелочи. Но в этом мире, где я не контролировал почти ничего, такие мелочи держали меня на плаву. Зайти в магазин, купить мелочевку, покрутиться у витрин, проверяя отражения. Паранойя? Возможно. Но именно она позволяла мне до сих пор не познакомиться лично, с ребятами из ОБЭПа или, что хуже, с «безопасниками» тех, чьи интересы я зачастую обслуживал.

Улица казалась пустой. Фонари горели через один, бросая на тротуар длинные, изломанные тени, дрожавшие от ветра.

Я заметил их, когда до подъезда оставалось метров пятьдесят. Два силуэта отделились от припаркованной машины и двинулись ко мне. В груди глухо ударило. Воздух застрял в горле. Первая мысль — «Бежать!» — рванула куда-то вниз, в живот, но ноги стали ватными. Я попытался разглядеть их лица в тусклом свете фонаря, но они были просто силуэтами. А потом из машины, стоявшей в тени, вышел третий. Плавно. Не торопясь.

— Макс, ну куда же ты так спешишь. Голос был низким, вязким, как смола. Он произнёс моё имя так, будто пробовал его на вкус, и оно ему нравилось. В нём не было злости. Не было напряжения. Только спокойствие человека, который знает, что добыча уже в клетке. Я узнал этот тон. Андрей, начальник службы безопасности ООО «Конструктор». Высокий, широкоплечий, пахнувший дешевым парфюмом, который смешивался с запахом табака — совсем как мой отец.

— Привет, Андрей, — я попытался, улыбнуться, сделать голос легким, но он предательски дрогнул.

Я перебрал в голове все варианты. Бежать — Некуда. Кричать — глупо. Драться — смешно... Я не понимал, что будет через минуту. Андрей подошел вплотную. Страх уже не был мыслью. Он засел в мышцах, в животе, пальцах. Андрей положил мне руку на плечо, крепко, почти дружески. Он тоже его чувствовал, мой страх.

— Скажи, Макс. — Он шагнул ближе, и я отступил спиной к стене. — Ты правда думал, что «таранить» наши тендеры по той же схеме, которую мы у тебя заказывали много лет... это хорошая идея?

Он наклонил голову. Усмехнулся.

— Думал, «Конструктор» и его заклятые друзья из «Мега-Строя» будут вечно грызть друг другу глотки? Решил подобрать процент с обеих сторон?

Я почувствовал, как по спине пополз липкий, холодный пот. Он собирался в капли под курткой, стекая по позвоночнику.

— Но вот незадача, — продолжал Андрей, наклоняясь ближе, так что я чувствовал запах мятной жвачки в его дыхании. — Большие люди умеют считать. Они сели, выпили коньяка и поняли, что, участвуя в этом конфликте интересов, все теряют большие деньги на пустом демпинге. Знаешь, на чем договорились? О совместном проекте. А знаешь, что запросил Шеф как условие сделки?

Я попытался сделать шаг назад, но уперся спиной в холодный кирпич стены. Кирпич был шершавым и колот спину через тонкую куртку.

— Имя организатора ответных «таранов». Чуйка у него на такие ситуации... «Мега-Строй» тебя слил, Макс. Им, как и нам, нужна стабильность. А Шеф... — Андрей усмехнулся, но в его глазах я не увидел никаких эмоций. — Он очень не любит, когда ему плюют в кашу.

Удар в живот пришёлся коротко, профессионально. Воздух вырвался из лёгких вместе со слюной. В глазах потемнело. Я согнулся пополам, чувствуя, как желудок подкатывает к горлу, как кислый привкус желчи заливает рот. Рухнув на колени, я хватал ртом холодную пустоту, но воздух не шёл. Бутылка минералки выпала из рук. Звон стекла. Она разбилась о бордюр.

Я стоял на коленях, пытаюсь вдохнуть. Пахло моим собственным страхом. Я чувствовал, как слюна смешивается с кровью от прикушенной губы.

А потом я снова стал тем мальчиком. Восьмилетним. Замершим перед пьяным отцом. Мир сузился до ремня, занесённого надо мной.

Моя «гениальная» схема превратилась в мою же удавку. Гениальное дерьмо, которое я сам же сейчас и сожру.

— Мы здесь не за деньгами, — Андрей присел передо мной на корточки. — Виталий Николаевич сказал, что за крысятничество в его доме, платят здоровьем.

### Глава 3. Не из всех ситуаций есть выход.

Долгострой встретил нас мертвой тишиной. Ледяной сквозняк гулял по пустым шахтам лифтов, забираясь под одежду. Я вдохнул — и лёгкие наполнились запахом бетонной пыли, ржавчины и мочи. Пыль осела на языке, скрипнула на зубах.

Меня не привязывали — меня «зафиксировали», строительными стяжками к торчащему куску арматуры. Пластик, холодный и твердый, впился в запястья, прижимая руки к ржавым зазубринам. Кожа саднила от каждого движения, а острый край арматуры уже успел прорезать её до крови.

Андрей не спешил. В нём не было злобы — только деловитая сосредоточенность человека, который делает свою работу. Он достал из кармана кожаные перчатки. Медленно, с хрустом расправил каждую, натягивая на пальцы. Кожа тихо скрипнула, обтягивая суставы. Он сжал кулак, разжал, проверил, как сидит. Удовлетворённо кивнул сам себе.

— Знаешь, Макс, — сказал он буднично, поднимая с пола кусок арматуры. Длинный, ржавый прут, в грязи и цементной пыли. Он повертел его в руках, взвешивая, как будто выбирал инструмент для работы. — Шеф всегда говорил: ты — ценный ресурс. А теперь ты... ну, ты понял. Издержки. А издержки списывают.

Первый удар пришёлся по коленной чашечке. Короткий. Точный. Я не сразу понял, что произошло. Потом услышал сухой треск, и ногу прошило такой болью, что на мгновение потемнело в глазах.

Андрей стоял надо мной. Он даже не изменился в лице.

— Это за тендер в марте. — Голос ровный, без эмоций. Констатация факта.

Когда я начал проваливаться в темноту, Андрей плеснул мне в лицо водой из грязной канистры. Жидкость была ледяной и воняла тухлым маслом, смешанным с ржавчиной. Я закашлялся, чувствуя, как отвратительный привкус железа стекает по горлу. Меня вырвало — но не едой, а желчью, кислой и горькой и тут же, без паузы, стальным прутон он сломал мне несколько ребер. Сухо, хрустко, как сучья под сапогом. Я почувствовал, как кость входит в лёгкое — не острая боль, а тупая тяжесть, которая заполнила грудную клетку. Воздух перестал поступать в одно лёгкое. Я попытался вдохнуть — и захрипел. Вкус железа залил рот — горячий, солоноватый, липкий. Пытался кричать, но из горла вырывался только мокрый, булькающий хрип. Я захлёбывался собственной кровью.

Это длилось вечность. Он ломал меня по частям, превращая кости в крошево, а мышцы — в лохмотья. Я перестал понимать, сколько прошло времени. Удар. Пауза. Еще Удар.

В какой-то момент я перестал чувствовать боль как нечто отдельное. Она стала самым воздухом, самой реальностью. Моё сознание, не в силах вынести этот ад, начало расслаиваться. Я видел себя со стороны — избитый, окровавленный мешок, брошенный на бетон. В голове, в каком-то стерильно — белом углу памяти, маленький мальчик Максим, снова забивался под стол, закрывая уши руками, пока отец в соседней комнате методично вбивал мать в стену. Ритм был тот же. Один в один. Глухие, монотонные удары.

Андрей остановился, когда я уже не мог даже хрипеть. Он достал нож, полоснул им по стяжкам, и я рухнул в собственную кровь и нечистоты. Запах боли, страха, крови и мочи смешавшись с бетонной пылью, заполнил все.

— И самое главное, — Андрей присел рядом, его дыхание пахло мятной жвачкой. — Личный «привет» от Виталия Николаевича.

Он аккуратно расправил мою правую кисть на бетонном выступе. Пальцы мелко дрожали, отказываясь слушаться. Андрей встал, поправил штанину и со всей силы обрушил каблук на мою руку. Я почувствовал, как кости лопаются, превращаясь в кашу, мясо, обломки костей и грязь. Это был не хруст — это был звук окончательного финала. Андрей не убрал ногу, он

начал медленно втирать руку в бетон, проворачивая подошву. Боль достигла пика, за которым была только черная, благословенная пустота.

Андрей отошел, вытирая ботинок о мешок с цементом. — Пошли. Сказали не добивать, оставить здесь. Завтра утром работяги найдут.

Они ушли, оставив за собой запах табака и смерти. Я лежал, глядя на то, что осталось от моей руки — бесформенное месиво с торчащими наружу костями. В этот момент я перестал быть человеком. Осталась туша, которая дышит и боится. В нескольких метрах зияла пустота окна. Чёрная пасть без дна, без перил. Я не хотел бежать. Я хотел, чтобы этот мир просто перестал существовать.

Пополз, толкаясь целой ногой, волоча за собой раздробленные конечности как бесполезный груз. Каждое движение вырывало из груди кровавый кашель, разбивая в кровь губы о шершавый бетон.

Дополз. Секунду смотрел вниз на бетонные плиты, усеянные кусками строительного мусора. Я больше не искал способ выбраться. Я искал способ прекратить это. И просто оттолкнулся локтем.

Полет. Удар. Тьма. Вспышка боли в плече. Я открыл глаза, захлебываясь рвотой и кровью. Новая волна боли накрыла все тело. Жив.

— Сука! Почему, я всё еще жив?!

Сверху донеслись крики. Андрей не успел уехать. Он увидел прыжок. Фонарики заплясали по стенам долгостроя, разрезая темноту желтым светом. Ужас, чистый и первобытный, впрыснул в мои жилы очередную дозу адреналина. Я не смог остановить боль, не смог все закончить этим полетом — значит, нужно прятаться. Пока они снова не добрались до меня. Я не мог допустить продолжения.

Я тащился по подворотням, как раздавленное насекомое. Левая нога не двигалась, я волочил ее за собой, оставляя за собой мокрый след крови; каждая попытка сделать следующий шаг отдавалась дикой болью. Я тянулся к свету проспекта. Камеры. Камеры должны меня увидеть. Если я засвечусь под объективами, им это просто так не сойдет. Это была последняя, попытка отомстить.

Кровь оставляла за мной четкий жирный след на мокром асфальте. Я слышал визг шин где-то за углом. Именно тогда я увидел странную, тихую синеву вывески игрового клуба. «VR-SHELTER». «Shelter» — убежище. Ирония судьбы.

Я ввалился внутрь, надавив на дверь плечом. Прыщавый парень за стойкой выронил банку энергетика.

— Вызывай ментов и скорую, — сказал я, с трудом достав бумажник из заднего кармана и бросив его на стол.

Боль охватывала меня новыми кольцами и сжимала мое тело, выдавливая сознание.

Я искал глазами дверь, подсобку, хоть какой-нибудь тёмный угол. Ничего.

В помещении взгляд цеплялся только за гудящие системами охлаждения капсулы виртуальной реальности.

— Скорая и менты... — прохрипел я, сделав шаг в сторону открытой, выключенной капсулы. — Спрятаться, чтобы не нашли.

Практически упав в силиконовый наполнитель, я затянул внутрь сломанную ногу и уцепившей левой рукой попытался закрыть крышку. Сознание ускользало. Вместе с ним уходила боль, оставляя только холодную, скользкую пустоту.

Преодолевая боль дотягиваюсь до кармана и достаю свою монету, руку сжала холодный металл, но он не успокаивал как раньше. Он просто вытягивал остатки тепла из моего тела. Сознание тает, оставляя только одну, единственную мысль. Она пришла не как осознание. Как приказ. «Спрятаться».

Я попытался сжаться. Поджать ноги, стать меньше. Кости не слушались. Левая нога не двигалась. Рука висела плетью. Но я пытался. Я сжимался в комок, как в детстве, ребёнок, который прячется под столом от пьяного отца.

«Стать тенью. Меня нет. Меня не существует».

Мысль билась в черепе, как птица о стекло. Я повторял её снова и снова. Не словами — ощущением. Желанием быть настолько маленьким, чтобы меня не заметили. Насколько неважным, чтобы меня забыли.

Где-то над головой — шаги. Лязг. Крики.

«Не дыши. Замри. Тебя нет».

Я ждал. Считал удары сердца. Они становились реже. Холод поднимался от ног к груди. К глазам.

«Меня нет. Меня не существует. Я тень».

Я не знал, говорю ли это вслух. Я не знал, есть ли у меня ещё рот, чтобы говорить. Я просто хотел этого. Так сильно, как никогда ничего не хотел. Чтобы меня не было. Чтобы стереть себя. Чтобы исчезнуть. Я тень. Меня не существует. Я тень. Они меня не видят.

Темнота стала гуще. Плотнее. Она не просто накрыла меня — она приняла. Как вода принимает утопающего. Без борьбы. Без сопротивления. И я поверил в это. Я исчез.

## Глава 4. У теней есть имена.

— Ты очень громко кричал, когда падал, так громко, что я тебя услышал, — голос прозвучал не снаружи, а прямо внутри моего черепа, сухой и тяжелый. — Обычно, люди сюда не долетают.

Я попытался открыть глаза, но не понял, есть ли они у меня вообще. Вокруг не было ни света, ни звука, ни даже моего собственного дыхания. Только давящее чувство абсолютной пустоты.

— Где я? — я хотел крикнуть, но получилась лишь мысль. — Я должен был... я хотел спрятаться.

— Спрятаться? — в чужом голосе мелькнула странная, холодная усмешка. — Ты залез в самый глубокий подвал, который только можно найти. Здесь даже тени боятся собственной тени.

— Кто ты?

— Я здесь живу. Можешь звать меня... впрочем, не важно, — голос выдержал паузу, словно оценивая мое состояние.

— Я просочился в это место, в головах приходящих сюда людей. Миллионы людей приносят в этот мир свои надежды, свои страхи, свои детские кошмары. Вы сами создали нас заново, вытащили из пыльных учебников истории и вживили в код этой игры.

— Игры?

— Да, игры. В реальном мире нас забыли, и именно поэтому там мы мертвы — там не осталось веры, только холодный расчет. А здесь, в мире игры, поступок любого игрока — это семя, из которого я могу возродить свою силу.

Я попытался пошевелиться, сжаться в комок, но тела словно не существовало.

— Кто я?

— Ты? Ты что-то новое в моем существовании. Человек, точнее, ты был им, — слова падали ровно, как камни. — У тебя были большие проблемы, и ты жаждал спасения настолько сильно, что у тебя получилось сбежать сюда. Поздравляю, ты первый из смертных, кто смог это сделать. Как минимум, о других я не знаю.

— Я ничего не помню, — паника начала липкими щупальцами оплетать мое сознание.

— Память — лишний груз, твое сознание само сбросило его, чтобы ты выжил при переходе. Но не переживай, твои воспоминания будут ждать тебя здесь, в «Нулевом цикле». Я постепенно верну тебе их одно за другим.

— Где я? ... я не могу вспомнить, как меня зовут. Я помню только бетон, удары, а потом пустоту, — мой голос срывался с отчаяния на крик. — Где выход?

— Выход? Макс, весь наш разговор в твоей голове, есть из нее выход? — голос стал жестче, отрезая пути к отступлению. — Ты сейчас в «Нулевом цикле», это мусорка виртуального мира, в который ты попал, тут хранится то, чего не должно быть в игре.

Только сейчас я понял, что боль всё это время никуда не исчезала. Она пульсировала где-то внутри, отдаваясь в висках, груди, руках — там, где я ещё помнил своё тело.

— Почему... почему так больно?

— Боль — это плата за то, что ты выломал дверь, и, поверь, она будет рядом с тобой всегда. Ты не «стандартный игрок», ты — ошибка, чуть позже поймешь, о чем я.

— Допустим, я поверил твоим словам, — ответил я, цепляясь за остатки рационального мышления. — Хотя я больше верю, что лежу сейчас в реанимации, после встречи с автобусом, а ты моя галлюцинация.

Громкий смех, разливающийся в моей голове, запустил волну дикой боли, гуляющую от одного виска к другому. Я бы закричал, если бы у меня были связки.

— Рассмешил, честно. Скоро сам увидишь.

— Зачем тебе это? Что ты хочешь взамен?

— Мне нужно, чтобы ты был моими глазами там, где меня больше не видят, — в тоне невидимого собеседника появился деловой расчет. — Ты будешь играть свою партию, а я свою. Я прекрасно осознаю, какая путаница мыслей, сколько вопросов у тебя в голове, можем поговорить более предметно, но долго я этот контакт не удержу, поторопись с вопросами.

— Как мне вернуть свою память?

— Все просто. Ты помогаешь мне, я помогаю тебе. Я не могу просто взять и появиться в мире, для этого нужна подготовка, чем ты и займешься. В выигрыше будем оба.

— Ты сможешь вернуть меня в реальный мир? — я зацепился за эту мысль, как за единственный осязаемый шанс.

— Возможно. Ты же как-то попал сюда, значит, можно вернуться обратно, но зачем? Смирись с тем, что у тебя новая жизнь, между прочим, вечная. Макс, ты бессмертен, и наше знакомство дает тебе огромные перспективы.

— Бессмертие? Я не могу умереть? — кончики моих несуществующих пальцев обдало ледяным страхом.

— Можешь и будешь, но у обычных игроков там, наверху, есть пульс и теплое мясо, к которому привязан их персонаж, они спокойно воскресают. У тебя — ничего. Ты — единственная оцифрованная личность в «Эфире». Каждая твоя смерть будет рвать твое сознание на куски. Система будет собирать тебя заново и поверь, тебе это не понравится.

Тяжелая пауза повисла в темноте, заставляя меня переварить этот кошмар.

— И все же, кто ты?

— Под моей опекой всегда были те, кто ходит по грани: воры, мошенники, те, кто, преследуя свои цели, не боится испачкать руки, — голос начал постепенно отдаляться, растворяясь в темноте. — На сегодня время нашего общения подходит к концу. Теперь слушай внимательно и запоминай, от той информации, которую ты сейчас получишь, зависит многое. Пространство вокруг начало мелко дрожать.

— Ты единственная оцифрованная личность в игровом мире «Эфир». Я уже выбрал твои базовые параметры и дал тебе имя, прости я немного сентиментален.

Для всех ты — игрок. Всегда и везде. Придумай легенду: кто ты в реале, где живешь, чем занимаешься. Стань самым обычным парнем. Познавай этот мир, развивайся, но помни: здесь каждый шаг — это ложь. И ты начнешь с самой первой лжи.

Если я заговорю — значит, ты стоишь на пороге чего-то, что может помешать моим планам. В инвентаре найдешь небольшие подарки, не обольщайся, ничего серьезного, стартовый премиум-набор от разработчиков, давно списанный из обихода, и немного золота. И помни, твои действия ограничены только твоей совестью. Забудь про честные дуэли. Твой путь — манипуляции, воровство, использование самых грязных механик этого мира, которые обычные игроки даже не замечают.

Тьма начала сжиматься, выталкивая меня вон.

## Глава 5. Новый дом «Светлоземье».

Тьма не просто отпустила меня — она меня выплюнула. Мир обрушился лавиной звуков и красок. После абсолютного ничто «Нулевого цикла» этот сумасшедший контраст едва не выжег мне мозг. Я зажмурился, но сквозь веки всё равно пробивалось яростное, слепящее солнце. Под ногами была брусчатка — твердая, неровная, с налипшей грязью. Я сделал судорожный вдох и закашлялся. Воздух одновременно пах конским навозом, печеным хлебом и древесным дымом. Я поднял дрожащие руки к лицу. Кожа была чистой, без единой царапины. Я дотронулся до щеки и ощутил тепло. Живое тепло. Ноги сами понесли меня вперед. Я шел на автопилоте сквозь пеструю толпу по узким, извилистым улочкам. Город выглядел как ожившая иллюстрация из исторического справочника: плотно сбитые двух и трёхэтажные фахверковые дома нависали друг над другом, верхние этажи почти смыкались над улицей. Между ними оставалась узкая полоска неба. Где-то сверху женщина вытряхнула из окна тряпку, и пыль посыпалась на головы идущих внизу. Пахнуло хлебом из булочной и чем-то кислым из ближайшей канавы.

Над головой, поскрипывая на кованых цепях, раскачивались вывески.

Я затормозил возле одной из них — массивной, почерневшей от гари доски с выжженным изображением наковальни. Из недр кузни тянуло невыносимым, плотным жаром, пропитанным едким запахом перегретого металла и угольной пыли. Внутри царил контролируемый хаос. По стенам, в кажущемся беспорядке, висели клещи, молоты и связки заготовок, отбрасывая причудливые тени в свете рыжего горна. У наковальни, в самом центре этого пекла, стоял потный человек, тяжело дыша он вбивал свой ритм в раскаленную сталь. Его лицо, искаженное от физического напряжения, напоминало маску, а каждое движение выдавало новичка, тратящего лишнюю энергию. Рядом с ним, словно монолит, возвышался гном Торгрим «Угрюмый». Он был вдвое ниже своего ученика, но его плечи раздались так, что напоминали кусок скалы. Его руки — неестественно огромные, покрытые старыми шрамами от ожогов и въевшейся металлической пыли — выглядели скорее, как часть кузнечного оборудования, чем как живая плоть. Борода, заплетенная в тугие косы с тяжелыми медными кольцами, почти касалась груди.

— Слабо! Твои руки годятся только коров доить! — рявкнул Торгрим, перекрывая звон металла. — Ты бьешь по заготовке, как по девичьей заднице! Вложи силу в плечо, а не в сопли!

Он заметил меня краем глаза, но не прервал работу, лишь на секунду скосил взгляд.

— Чего приперся, бродяга? — голос гнома скрежетал как перемалываемые камни. Он сплюнул на пол, и плевок зашипел на горячем камне рядом с моим сапогом. Торгрим, наконец, перестал следить за учеником и уставился на меня. Его глаза, скрытые густыми, опаленными бровями, казалось сканировали меня, мою одежду, словно оценивая, какую сумму можно выжать из этого «клиента».

— Обучение у Торгрима стоит звонкой монеты, парень. Золотой, не медной. Есть деньги — заходи. Нет — проваливай, не засоряй проход.

Чуть дальше, под вывеской «Котел и Ступка», в нос ударил едкий химический запах серы и гниющей травы. Из дверей лавки, кашляя вывалился парень в мантии, с слезящимися глазами. В руке он сжимал колбу с какой-то дымящейся серой дрянью. Ошибка алхимика в этом мире явно стоила дорого.

Мимо, едва не сбив меня с ног и громко гогоча, прошла троица парней в сияющих доспехах.

—...говоря ему, отчет допишу и зайду! — долетел до меня обрывок фразы одного из «рыцарей», его голос перекрыл звон кружек из таверны, и он хлопнул товарища по наплечнику так, что тот качнулся.

— Да забей, Лех, сегодня рейд закроем, по – любому, на тебя шмотка выпадет — ответил второй, поправляя висящий на спине огромный щит. Над их головами на секунду блеснули белые строчки с никами. Игроки. Для них это был просто субботний вечер после офиса.

— Свежие яблоки! Только из садов Золотой Марки!

Я подошел к прилавку, когда поток разномастных игроков немного иссяк. Марта, женщина с обветренным лицом и руками, даже не посмотрела на меня. Она монотонно протирала фрукты тряпкой, которая явно знала лучшие времена.

— Свежие яблоки! Только из садов Золотой Марки! Два медных за штуку! — её голос звучал сухо, как треск сухих веток.

Сначала все они, сливались для меня в единую кашу, но чуть позже, на автомате, я начал выхватывать паттерны. Игроки двигались естественно, местами суетливо. Местные — скользили по невидимым рельсам своих скриптов.

Ноги окончательно налились свинцом, когда улица, словно сжатая пружина, резко выплюнула меня на широкую, залитую безжалостным солнцем главную площадь. Это место было сердцем города, его парадным фасадом. В центре, в чаше из потрескавшегося белого камня, с монотонным шумом журчал фонтан, вокруг которого кружились лепестки каких-то цветов. Площадь лоснилась чистотой, каждая плита лежала на своём месте, будто их укладывал архитектор с одержимостью садиста. Я дёрнул головой слишком резко, в глазах потемнело на секунду.

Напротив, возвышалась Ратуша — приземистое, но пугающе размерами монументальное каменное здание. Ее высокая, острая башня с часами, казалось, подавляла всё пространство. Слева, у самых городских стен, пристроилась таверна «Веселый край». Ее массивные дубовые двери были распахнуты, выпуская на площадь густой, одуряющий запах жареного мяса, чеснока и кислого эля. Оттуда доносился гомон десятков игроков — звон кружек, грубый смех и крики гостей.

Но больше всего взгляд цеплялся за Большие Ворота. Они уходили в небо, словно два огромных, обитых железом когтя, разрывающих городскую стену. Открытые мощные створки, с отполированными до блеска железными пластинами, пропускали всех желающих наружу. Я смотрел на них, и внутри росло понимание: это не просто проход. Это граница между дружеским городом и настоящим миром, в который я еще не был готов шагнуть. Я смотрел на площадь и почему-то не мог отделаться от ощущения, что попал внутрь чужого сна. Игроки смеялись, торговались, ругались. Местные повторяли одни и те же движения, одни и те же фразы.

Система, до этого молчавшая, теперь начала спамить уведомлениями прямо перед глазами.

*Выносливость 12%. Критический порог. Дебафф: Мышечная атония. Штраф к скорости перемещения 50%.*

Мышцы ног, непривычные к весу собственного тела в этом цифровом мире, отказывались слушаться. Каждое движение ощущалось как попытка тащить на себе бетонный блок. Вдох давался с трудом — легкие, казалось, превратились в два куска наждачки. Я был не просто уставшим, я был истощен до основания. Станный разговор в «Нулевом цикле», а затем эта бесконечная дорога по лабиринтам города — мой «новый» организм просто не выдержал такой интенсивности. Колени подкосились. Я сложился, как стул, у которого выбили ножку. Спина хрустнула о кирпич, зубы закрипели. Мое тело, еще недавно столь послушное, теперь напоминало чужой, неуклюжий механизм, в котором закончилось топливо. Я тяжело осел на грязную каменную брусчатку, выставив вперед дрожащие руки. Перед глазами плыли серые пятна, а в ушах стоял гул рыночной толпы, который теперь казался мне насмешливым шумом трибун на гладиаторском ринге, где я уже проиграл свой первый раунд. «Выносливость...» — выдохнул я, глядя в пустоту. Я брякнулся лбом о колени, и мир качнулся. Дышать — как гло-

тать наждачку. Сглатываю — горло дерет. Если меня сейчас вырвет, я не удивлюсь. Я стиснул голову ладонями, вдавливая боль в виски. — Реанимация. Я в реанимации. Автобус. Перелом. Это наркоз. Слова не держались — они сползали, как мокрая тряпка, оставляя только холод камня под задницей. Чтобы не сорваться в истерику, я попытался отвлечься от того, что со мной происходит. Сосредоточился, и перед глазами соткалась полупрозрачная сетка интерфейса.

*Имя: Тьяльви Сила: 5 | Ловкость: 10 | Восприятие: 15 | Интеллект: 10 | Дух: 5 | Резонанс: 5 Класс: не определён.*

Цифры. Цифры означают правила и ограничения. Система, которую нужно изучить.

Я смотрел на площадь и понимал, что должен чувствовать что-нибудь ещё. Радость. Облегчение. Хотя бы благодарность за то, что снова могу ходить.

Ничего. Только голод, странно. После всего, что произошло, меня волновало, что я хочу есть. Наверное, это и есть мозг. Он не спрашивает, вовремя ли ты пережил психологическую катастрофу. Он просто требует топлива.

Я мысленно открыл инвентарь. «Стартовый премиум-набор». Внутри лежал плотный серый плащ, два коротких стальных кинжала, одежда из черной грубой кожи и кожаный мешочек. 100 золотых монет. А в самом углу виртуальной сумки сиротливо валялась старая монетка с непонятным рисунком. Зацепившись за нее взглядом, я вызвал дополнительное меню.

*Медная монета: требует идентификации. Продать невозможно, не выпадает при смерти.*

Взял в руки, приятное, знакомое ощущение. Пальцы помнили ее лучше головы.

Я осмотрел остальные вещи.

**Поношенный плащ теней:**

*при ношении скрывает имя.*

*Скрытность +5.*

*Продать невозможно, не выпадает при смерти.*

**Сапоги тихого шага:**

*Легкая броня.*

*Защита +2,*

*Выносливость +3.*

*Тихий шаг +2.*

*Продать невозможно, не выпадает при смерти.*

**Штаны из грубой кожи:**

*Легкая броня.*

*Защита +3,*

*Ловкость +2.*

*Скольжение +2.*

*Продать невозможно, не выпадает при смерти.*

**Куртка из грубой кожи:**

*Легкая броня.*

*Защита +5,*

*Сила +3.*

*Уклонение +2.*

*Продать невозможно, не выпадает при смерти.*

**Парные кинжалы:**

*Урон 15-20.*

*Ловкость +5.*

*Кровотечение +5.*

*Кинжалы и короткие клинки +10.*

*Продать невозможно, не выпадает при смерти.*

*Отмычки: 10 шт.*

Одевшись и натянув капюшон по самые глаза, я начал изучать интерфейс, читать описания базовых параметров. Поток новой информации отвлек меня от мыслей, затягивающих в пропасть безумия. За этим занятием меня и застала резкая, спазматическая боль внизу живота. Взгляд мгновенно подернулся серой дымкой, а в левом углу вспыхнуло красное предупреждение.

*Голод: 95%. Внимание: критический уровень. При достижении 100% начнется деградация физических параметров.*

Меня согнуло пополам. Голод был не просто значком в меню — он был настоящим, животным. Он скручивал внутренности так, что я согнулся, чувствуя, как желчь подкатывает к горлу. Вечная жизнь, о которой говорилось ранее, требовала топлива прямо сейчас. Философия кончилась. Страх отступил, включился инстинкт. Я поймал ноздрями густой, одуряющий запах жареного мяса, чеснока и кислого эля. Подняв голову, я увидел, как в тридцати шагах от меня над приоткрытой дубовой дверью скрипит тяжелая деревянная вывеска таверны «Веселый край». Страх уступил место первобытному рефлексу. Опираясь на стену, я заставил себя встать. Если мне нужно жрать, чтобы не испытывать этих ощущений, я пойду и сожру. Плотнее запахнув плащ, я зашагал к дверям, надеясь только на одно — что моих стартовых монет хватит на самую большую порцию мяса в этом проклятом городе.

## Глава 6. Веселый Край.

Дверь распахнулась сама собой. Изнутри в лицо ударило тепло, густой запах мясного жира, чеснока и дыма. После яркого солнца глаза несколько секунд ничего не различали. Я моргнул, втягивая этот запах полной грудью. Желудок тут же свело ещё сильнее. Внутри было тише чем на площади. И темнее: высокие потолки, массивные балки из тёмного дерева, блестящие медные люстры, в которых плясали языки настоящего огня. Запах здесь был правильный — жареное мясо, чеснок, розмарин и кислый эль, от которого сразу потекли слюни.

Я выбрал столик в самом углу, подальше от шумной компании игроков у стойки. Лавка была отполирована до зеркального блеска сотнями задниц, я рухнул на неё как мешок, даже не пытаюсь сесть красиво. Ноги гудели, спина ныла, и единственное, чего я хотел — чтобы мне принесли жрать.

Официантка подошла почти мгновенно. Она двигалась мягко, почти бесшумно, скользя между столами, и остановилась у моего столика с профессиональной, отточенной улыбкой. Передник сидел на ней слишком хорошо. Я заставил взгляд вернуться к её лицу. В глазах плясали смешинки — живые, тёплые, настоящие. Она чуть наклонилась, опираясь ладонью о край стола, и задержала на мне взгляд чуть дольше положенного.

— Что желаешь, путник? — спросила она, и голос у неё был низкий, чуть хриловатый, с нотками участия. — Ты выглядишь так, будто тебя вывернули наизнанку и забыли зашить. Мясо, да? Много мяса?

Я сглотнул. Слюни набегали, говорить было трудно, я смотрел в стол, чувствуя, как её взгляд касается моего лица. Пальцы под столешницей сжались в кулак. Ладони стали влажными.

— Да. Мяса. Побольше. И чего-нибудь выпить, прохладного.

Она подмигнула, и от этого жеста по спине пробежал холодок. Слишком живо. Слишком точно. Будто она знала, как я отреагирую.

— О, мясо мы умеем, — сказала она с лёгкой усмешкой. — Повар сегодня расстарался, как для самого императора. Будет вам и мясо, и прохлада, чтобы голова не шла кругом от жары. Ждите.

Она развернулась и ушла, грациозно покачивая бедрами, оставляя за собой шлейф лаванды. Я проводил её взглядом, чувствуя, как внутри ворочается смесь возбуждения и восторга. Кожаные штаны обтягивали бёдра так, что я на мгновение потерял нить мысли. А потом вспомнил, что вокруг — код и скрипты, и меня передёрнуло. Маркетологи знали своё дело. Они не просто создали персонажа — они создали реакцию. И эта реакция, которую я не контролировал, пугала меня больше, чем любой уличный головорез.

Я осмотрелся. Игроки вели себя здесь иначе, чем на улицах: они ели, обсуждали, строили планы. Один из них, судя по всему, выполнял задание, с усилием перетаскивая бочки к стойке. За соседним столиком компания праздновала успех — худощавый парень в кожаной куртке вскрикнул, ударив ладонью по столешнице:

— Совсем забыл! У меня же навыки прокачались!

Я оторопел. Парень закрыл глаза, и на его лице застыло выражение глубокого, почти наркотического блаженства. Вокруг него на мгновение вспыхнуло мягкое золотистое сияние. Система бережно перестраивала его тело — выпрямляла осанку, разворачивала плечи.

— Как будто заново родился, — довольно сообщил он товарищам.

Это был простой механизм. Система давала им кайф, чистый, простой, понятный. И они брали его, не задумываясь. Действие ведет к награде, награда ведет к повтору действия. А говорят человек не поддается дрессировке....

Еду принесли быстро. Тяжёлая глиняная миска, от которой шёл такой пар, что я на секунду застыл. Мясо лежало кусками в тёмном соусе, жир стекал по бортикам. Я не стал ждать, пока остынет — схватил вилку, отрезал кусок и запихнул в рот. Язык обожгло, но я не остановился. Глотал, почти не жуя, давясь, проталкивая большие куски через глотку. Жир растёкся по губам, по подбородку, я вытер его тыльной стороной ладони и облизал пальцы, не думая, как это выглядит. Внутри разливалось тепло. Только процесс. Только тело. Только жрать, пока есть что.

Когда последний кусок исчез, я откинулся на спинку лавки и выдохнул. Желудок отреагировал, не только шкала сытости. Сам желудок. Руки перестали дрожать.

— Так, — пробормотал я. — Значит и это по-настоящему.

И только тогда, когда красное предупреждение в углу интерфейса погасло, я понял, что я только что съел. Вкус накрыл меня с запозданием — нежная текстура мяса, пряная острота соуса, лёгкая кислинка трав. Это было... слишком вкусно. В реале такая еда стоила бы целое состояние, здесь же она была просто строкой кода, продуктом, который впаривали счастливым игрокам. Но мой организм реагировал так, будто я действительно не ел неделями. Будто я был настоящим.

*Система: Уровень сытости 100%. Статус «Бодрость» активен. Регенерация выносливости увеличена на 20%.*

Пора было думать, как действовать дальше. Я откинулся на лавку, глядя в окно, и заставил себя думать.

«Макс. Меня зовут Макс. Кажется, так называл меня тот голос в Нулевом цикле. Если кто спросит — студент. Направление? Юриспруденция. Достаточно скучно, чтобы никому не было интересно. Если начнут копать глубже — придётся импровизировать.

Значит, сначала никаких знакомств. Никаких подробностей. Слушать больше, чем говорить.

Я подозвал официантку, попросил завернуть с собой порцию бутербродов и, оставив на столе несколько лишних медяков сверх счёта, вышел на улицу. Теперь город не казался мне таким давящим. Я был сыт, я был бодр, и я был готов двигаться дальше.

Я гулял по городу, привыкая к его ритму. Заходил в лавки, смотрел на товары, слушал, как мастера зазывают покупателей, запоминал расположение улиц, магазинов, лица. Информация оседала где-то внутри, и я пока не знал, зачем она мне, но чувствовал — пригодится.

Выходя из «Луки и стрелы от Фердинанда», я буквально столкнулся с ней. Девушка, которую система назвала Анной, вздрогнула, и корзина с яблоками выскользнула из её рук.

Они покатались по мостовой — красные, с мелкими крапинками, оставляя за собой лёгкие влажные следы на пыльном камне.

— Извините, я такая неловкая... — Щёки её вспыхнули так ярко, что я увидел это даже в тени домов. Она тут же опустилась на колени, собирая яблоки, и её пальцы дрожали, когда она касалась их.

— Это мне стоит извиниться, — сказал я, и голос мой звучал мягче, чем я планировал. — Я должен был смотреть, куда иду.

Я присел рядом, и мы собирали яблоки молча. Я протягивал ей одно за другим, и каждый раз, когда наши пальцы почти касались, она чуть отводила руку. Неловкая, застенчивая, такая настоящая в своей растерянности. Когда последнее яблоко легло в корзину, она подняла на меня глаза — светло – карие и улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она, и в этом одном слове было столько благодарности, что я на мгновение забыл, где нахожусь.

Она поднялась, поправила платок, и, ещё раз кивнув, поспешила дальше. Я смотрел ей вслед, чувствуя, как в груди что-то странно сжимается.

Я поднялся, отряхнул колени и пошёл в противоположную сторону.

Системное уведомление всплыло перед глазами — бледное, почти незаметное на ярком солнце:

*Система: Вы успешно совершили кражу. Вам доступен для активации навык «Воровство».*

Я остановился. Рука сама собой нырнула в карман. Пальцы нащупали что-то маленькое, холодное — металл, гладкий с одной стороны и чуть шершавый с другой. Я вытащил предмет. Маленькая серебряная заколка. Простой узор, без камней. На внутренней стороне металл был потёрт до матового блеска, а у крепления виднелась тонкая царапина. Вещь не новая, но явно любимая. Я повертел её в пальцах, и она блеснула на солнце — тускло, почти застенчиво.

Я не помнил, когда взял её. Не помнил, как рука скользнула в её фартук. Я даже не думал об этом — просто действовал, как будто тело знало то, о чём мозг ещё не догадался.

Сфокусировав взгляд, я развернул вкладку навыков.

Доступные изменения:

*Навык «Воровство» — доступна активация (1/100).*

*Навык «Медитация» — доступно повышение до уровня 2.*

*Навык «Атлетизм» — доступно повышение до уровня 2.*

*Внимание: у вас имеются свободные очки развития. Желаете распределить?*

Я мысленно нажал на команду: *«Повысить все возможные навыки».*

В ту же секунду мир вокруг меня взорвался. Мое тело пронзила первобытная боль, словно в вены вместо крови залили кипящую смолу. Пожар мгновенно распространился по мышцам, скручивая их в тугие, болезненные узлы. Внутри черепной коробки что-то оглушительно лопнуло — ощущение было такое, будто сосуды в голове не выдержали давления и брызнули кровью прямо под корку. Глаза застелила красно – серая пелена. Ватные ноги подкосились. Я даже не успел выставить руки — просто рухнул плашмя, ловя ртом воздух и корчась на камнях под испуганными взглядами, проходящих мимо НПС. Минуты две я просто лежал, уткнувшись лицом в грязную мостовую, с трудом сдерживая тошноту, боль ушла, но встать я был не в состоянии.

Через несколько минут, кое-как, цепляясь пальцами за стену дома, я поднялся на ноги. Колени до сих пор крупно дрожали.

Перед глазами висел отчет о моей глупости:

*Система: Навык «Воровство» успешно активирован (уровень 1).*

*Система: Навык «Медитация» повышен до уровня 2.*

*Система: Навык «Атлетизм» повышен до уровня 2.*

*Система: Параметр «Ловкость» увеличился до 12.*

Видимо, именно про эту «особенность» роста предупреждал меня тот голос в Нулевом Цикле. Ну что же... Очередные «хорошие» новости в моем персональном аду. Принял к сведению, рост — это боль.

Дальнейшее исследование города я продолжал на негнущихся, тяжелых ногах. Информация копилась, подтверждая мои мысли: за золото, здесь действительно можно было купить всё. Местные мастера за звонкую монету готовы были обучить меня правильному хвату меча, повысить навык ношения любой брони, поставить технику стрельбы из лука или вложить в голову азы магии. Но после недавнего опыта, всякое желание учиться у меня напрочь отбило. При этом в голове сформировалась идея, плохая идея, но я должен был проверить.

## Глава 7. Эксперимент. Начало.

Алхимическая лавка «Котел и Ступка» была более просторной, чем казалась снаружи, в нос ударило множество запахов, переплетающихся в то, что можно было описать как химия и гнилая трава. Дневной свет сюда не проникал — его заменяли чадающие сальные свечи, накрытые стеклянными колпаками, их неровный пламень заставлял тени в углах плясать, словно живые. Полки, заставленные склянками с различными жидкостями, вздрагивали от каждого шага, а воздух стоял плотный, тяжелый.

За прилавком стоял мастер Сермин. Седовласый, с лицом, изуродованным глубоким химическим ожогом: левая сторона щеки превратилась в сплошной багровый рубец, из-за чего его глаз постоянно прищуривался, придавая алхимику вид человека, который вечно чем-то недоволен. Он был живой рекламой того, к чему приводит пренебрежение техникой безопасности.

Сермин лениво отставил в сторону ступку, в которой что-то перетирал, и уставился на меня холодным, пронизательным взглядом.

— Выглядишь как пугало, которое протащили через весь город, — прохрипел он, даже не пытаясь скрыть брезгливость. — Зашел погреться или товар покупать? Учти, здесь не храм благотворительности.

— Базу, — ответил я, сбрасывая на потемневшее дерево стойки горсть монет. — Бинты, лечение, выносливость. И что-то серьезное от боли.

Алхимик сгреб монеты сухими, покрытыми пятнами химикатов пальцами. Не пересчитывая, он ловко начал выставлять на прилавок нужные пузырьки.

— Бинты с регенератом — только для глубоких порезов, иначе сожжешь кожу. Настойка выносливости — горькая, как жизнь должника, не морщись, — он подвинул ко мне четыре фляги. — Зелье лечения... ну, оно пахнет медью и сырой землей, но зато срстит руку если оторвут, главное не потеряй её. Он искренне, лающим звуком, рассмеялся над своей шуткой.

— Мне нужно что-то, что отключает боль. Совсем.

Сермин замер. Он внимательно, будто впервые, посмотрел на мое лицо, задержавшись на глазах. Взгляд был тяжелым, давящим

— Боль, значит? — хмыкнул он, и его рубец на щеке дернулся в болезненной гримасе.

Он нехотя полез под прилавок, гремя стеклом, и выставил передо мной небольшой, плотно закупоренный гранитный крышкой пузырек. Внутри перекатывалась мутная, тяжелая жидкость сероватого цвета.

— «Слеза Каменщика», — прохрипел он. — Гномы пьют это, когда им в шахтах дробит кости завалами, а лекаря ждать долго. Выпьешь половину — перестанешь чувствовать руки и ноги. Выпьешь всё — не заметишь, как тебе вспорют живот. Но учти, парень: пока она в крови, реакция падает до уровня сонной мухи. Если тебя прижмут в этом состоянии — ты даже не успеешь понять, что умер.

— Беру, — коротко кивнул я, осторожно сгребая пузырек в инвентарь.

Сермин, только пожал плечами, всем видом показывая, что судьба этого товара его больше не касается.

— Вали отсюда. Пока не нанюхался паров — а то еще решишь, что можешь летать.

Я развернулся и вышел, чувствуя на спине его тяжелый, но равнодушный взгляд.

Мой дальнейший путь вел к центральной площади. Дойдя до фонтана, я свернул в узкий, глухой тупик между высокими каменными домами, куда почти не проникал свет уличных фонарей. Убедившись, что за мной никто не идет, я прижался спиной к холодной стене и осмотрелся.

Здесь, в Светлоземье, теневым рынком заправляла Лига Слепых «Саван». И я знал из крох информации, вытянутой у официантки и корчмы стоящего за прилавком в таверне. Мне сказали, что они не торгуют открыто. Я стоял один в пустом переулке, ни окошка, ни надписи. Нужно было включать интуицию.

Я сосредоточился на пульсации крови в висках и позволил своему зрению стянуть фокус с физического мира. Звуки города стали глухими, словно я оказался под толщей воды. Мир вокруг посерел, лишившись красок. И тогда я увидел...

В физическом мире этот тупик был абсолютно пуст, но прямо на стене противоположного дома горел тусклый, пульсирующий пепельным светом контур человеческого глаза без зрачка. Знак Слепых.

Под знаком, прямо из кирпичной кладки, пропал один камень, оголив небольшую полость. Никаких лиц, никаких имен, никаких лишних вопросов.

Я подошел и положил серебряную заколку в открывшуюся нишу. Предмет секунду лежал неподвижно, а затем начал таять, втягиваясь в камень, словно тонул в смоле.

Интерфейс мигнул холодным серым цветом.

*Система: Лига «Саван» Предмет оценен. Качество: Низкое. Происхождение: Кража Светлоземье. Предложенная сумма: 4 серебряные монеты. Принять? (Да/Нет)*

Спорить или торговаться было не с кем — это просто системный алгоритм скупки. Не нравится — иди на центральный рынок и улыбайся городской страже.

— Подавитесь, — прошипел я и мысленно нажал «Да».

В ту же секунду из каменной кладки стены с вполне реальным звоном выпали четыре тусклые серебряные монеты.

*Система: Вы совершили теневую сделку. Репутация с фракцией «Лига Слепых» +1 (Нейтрально).*

Я торопливо сгреб монеты и вышел из переулка. Сердце колотилось, по щеке скатывалась капля пота. С деньгами пока проблем не было, но главное — я понял, как работает эта система.

Мой дальнейший путь вел в сторону небольшой реки, пересекающей город на две части. Пройдя через мост, можно было попасть на тренировочные арены, что, в принципе, и было финалом моего похода. Но сначала я решил сделать перерыв. Нужно было перекусить и, главное, выдохнуть.

Недалеко от берега росло колоссальное старое дерево. Его тяжелые, покрытые густой листвой ветви опускались практически до самой земли, создавая идеальный, изолированный от чужих глаз шатер. Под кроной пахло прелой листвой, влажной землей и чем-то сладковатым — гниющими мхом, укутавшим корни. Воздух был сырым и прохладным.

Проскользнув под эту зеленую крышу, я устроился на земле, привалившись спиной к корявому стволу. Кора впивалась в лопатки даже сквозь куртку — шершавая, с заусенцами, которые царапали ткань. Я поерзал, устраиваясь удобнее, и достал из инвентаря купленный в таверне бутерброд. Желудок сжался от голода, и я откусил большой кусок, даже не жуя как следует. Мясо было жирным, с пряными травами, хлеб — свежим. Я жевал, глядя, как солнечные блики пробиваются сквозь листву, танцуя на траве. Всё это было слишком реальным, чтобы быть просто игрой. Слишком детальным. Слишком... правильным. Даже запах гниющей листвы казался настоящим.

Я проглотил последний кусок, облизал пальцы и прислонился затылком к стволу. Закрыв глаза. Тишина давила на уши, но где-то в ветвях щебетала птица — я слышал её голос, чистый, отчётливый. Настоящий. И этот звук был единственным, что не давало мне провалиться в пустоту собственных мыслей.

Что я вообще знаю об играх? Ничтожно мало. Для меня все эти эльфы, маги и бесконечные таблицы с циферками всегда были уделом конченных задротов, прячущихся от реальной, жесткой жизни в уютном виртуальном манеже. Если я и играл, то изредка, и исключительно

в стратегии — ум, расчёт, холодная голова. А это... это просто какая-то помойка для людей, которым нечем заняться. Я презирал это всё. А теперь я здесь. И это не помойка. Это клетка.

Я открыл глаза и уставился в колыхающуюся над головой листву. Где-то под корой дерева шуршали насекомые — я слышал их сухой, скребущий звук. Я помнил курс доллара, устройство крипто – бирж, марку машины, которую водил. Но я не помнил лица матери. Не помнил, когда в последний раз смеялся по-настоящему. Это было самое жуткое, противоестественное состояние. Мой разум работал четко, как часовой механизм. Я помнил факты, но совершенно не помнил себя. Кто я? Как мое настоящее имя? Кто ждал меня дома? В памяти не осталось ни одного лица, ни одной личной детали, словно кто-то методично прошелся по жесткому диску моей личности ластиком. Остались только эмоции. И главная из них — липкий, удушающий страх, который до сих пор сидел глубоко в подкорке. От чего же я так отчаянно хотел сбежать? Что случилось там, перед тем как я очнулся в полной темноте? Почему во мне с такой нечеловеческой силой билась единственная мысль: «Спрятаться. Стать тенью. Меня не существует»? Я сжал кулак, и ногти впились в ладонь. Боль была тупой, но реальной. Ты не знаешь, кто ты, — мысль пришла сухая, жесткая, как наждак. — Ты не знаешь, что с тобой случилось. Ты не знаешь, сможешь ли вернуться. Но ты знаешь одно: ты здесь. И это дерьмо реально. Не сон, не галлюцинация. Это реальность. Другая, странная, но реальность. И если ты хочешь выжить — тебе нужно принять это. Не смириться. Принять. Как принимают карты, которые сдали тебе за столом, даже если они мусорные. Потому что других не будет.

А для этого — изучить этот мир, его механизмы, его обитателей, возможности. И только потом, когда я стану достаточно сильным, чтобы выбирать, я смогу искать ответы на вопросы, восстановить свою память. И если повезёт, найти способ вернуться домой.

Тихий, вкрадчивый системный звук заставил меня вздрогнуть. На периферии зрения, во вкладке способностей, загорелся новый навязчивый индикатор.

*Система: Вы удачно скрылись в тенях. Вам доступен для активации навык «Скрытность».*

Я зажмурился и судорожно свернул меню. Ну уж нет, точно не сейчас.

Чтобы получить хотя бы призрачный шанс взломать этот мир и свалить отсюда назад, мне нужно расти и развивать навыки. Но в моем случае каждый шаг вперед здесь стоит невыносимой физической боли. Жизнь превращалась в замкнутый круг, где платой за силу была агония.

Я сделал шаг, и солнечный свет ударил в лицо. Тепло. Живое. Настоящее. Сделал глубокий вдох, и в лёгкие вошёл воздух, пахнувший лесом, травой и свободой. Я шел вперед, чувствуя, как внутри что-то меняется. Страх никуда не исчез. Просто теперь он стоял рядом со злостью и ждал, кто из них окажется полезнее.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.